

Л.С. Белоусов, А.С. Манькин

**«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» КАК ФОРМА
КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СВЕРХДЕРЖАВ В БИПОЛЯРНОМ МИРЕ**

L.S. Belousov, A.A. Manykin

**COLD WAR AS A FORM OF CONFLICT
INTERACTION BETWEEN SUPERPOWERS
IN A BIPOLAR WORLD**

Аннотация. В статье рассматривается влияние «холодной войны» на общую динамику международных отношений во второй половине XX — начале XXI века. В центре внимания авторов вопрос о причинах устойчивости этой формы конфликтного взаимодействия США и нашей страны. Подчеркивается, что, несмотря на обширную зарубежную и отечественную историографию, посвященную «холодной войне», целый ряд

Белоусов Лев Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии образования, и.о. декана и заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ректор Российского международного олимпийского университета

Belousov Lev Sergeevich, Doctor in History, Professor; Full Member, Russian Academy of Education; Acting Dean, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Head, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Rector, Russian International Olympic University
lbelousov@olympicuniversity.ru

Манькин Александр Серафимович, доктор исторических наук, заслуженный профессор Московского университета, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Manykin Aleksandr Serafimovich, Doctor in History; Emeritus Professor, Lomonosov Moscow State University; Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
modern@hist.msu.ru

Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.

The reported study was funded by RFBR and National Science Foundation of Bulgaria (NSFB), project number 20-59-18007.

вопросов, затрагивающих ее фундаментальные характеристики, остается недостаточно проясненным. Среди них, в частности, вопрос о критериях отнесения того или иного конфликта или события к проявлениям «холодной войны». Авторы обозначают эти вопросы и указывают пути поиска ответов на них, разбирают наиболее распространенные историографические концепции «холодной войны», анализируют в контексте этого явления такие основополагающие понятия международных отношений, как «суверенитет» и «безопасность». В статье предлагается объяснение причин продолжения «холодной войны» после распада СССР и прекращения блокового противостояния. Специальное внимание уделяется трансформациям «холодной войны», разным ее фазам, объясняются причины, приводившие к подобным изменениям. Авторы отвечают и на вопрос о том, какие факторы оказывали влияние на интенсивность «холодной войны», стимулировали ее накал и в то же время не допускали ее перерастания в полномасштабную «горячую войну» с использованием всего арсенала накопленных средств уничтожения. Предлагается авторская точка зрения на вопрос о том, следует ли рассматривать «холодную войну» как опасную аномалию, угрожающую нормальному развитию мирового сообщества, или же, наоборот, подобное глобальное противостояние позволяет трансформировать конфликтную напряженность между двумя крупнейшими в военном отношении державами в относительно приемлемую ситуацию стратегической стабильности. В работе указываются проблемы истории «холодной войны», требующие дальнейшего изучения или же уточнения объясняющих их концепций. Особое внимание уделено распространенному в настоящее время подходу, в соответствии с которым наиболее значимые противостояния конца XX — начала XXI века анализируются в категориях «холодной войны».

Ключевые слова: сверхдержавы, «холодная война», биполярная система, баланс сил, советско-американские отношения, разрядка, международный конфликт, многополярность.

Abstract. The article examines the influence of the Cold War on the general dynamics of the international relations in the second half of the 20th and early 21st centuries. It focuses on the reasons of the stability of this form of the conflict interaction between the US and USSR/Russia. Although the historiography extensively deals with the Cold War, the authors emphasize that a number of issues concerning its fundamental characteristics remain insufficiently elucidated. Among them are the criteria for classifying any conflict or event as a manifestation of the Cold War. The article indicates the ways to find answers to some important questions concerning the Cold War, reviews its wide-spread historiographic concepts, and analyzes in its context such fundamental concepts of international relations as “sovereignty” and “security”. The authors offer the reasons for the continuation of the Cold War after the collapse of the USSR and the end of the bloc confrontation. Special attention is paid to the different phases of the Cold War, its transformations and the reasons that led to them. The research also answers the question of what factors influenced the intensity of the Cold War, intensified its heat and at the same time prevented its escalation into a full-scale “hot war” by a wide range of weapons of

mass destruction. The authors express their point of view on whether the Cold War should be considered as a dangerous anomaly that threatens the development of the world community, or on the contrary, this global confrontation allowed to transform the conflict tensions between the world's largest military powers into a relative strategic stability. The article highlights the issues in the history of the Cold War that require further study or conceptual clarification. Particular attention is paid to the currently widespread approach of considering the most significant confrontations of the late 20th and early 21st centuries in terms of the Cold War.

Keywords: superpowers, Cold War, bipolar system, balance of power, soviet-american relations, détente, international conflict, multipolarity.

* * *

Осенью 2020 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова были созданы междисциплинарные научно-образовательные школы. Их появление стало закономерным результатом усиления междисциплинарного подхода в научных исследованиях естественного и гуманитарного профиля в отечественной и мировой науке. Прорывные научные открытия, как показывает опыт последних десятилетий, совершаются, как правило, на стыке наук, причем, не только смежных. Однако успешность междисциплинарного подхода основана на сохранении фундаментальности исследований в каждой, отдельно взятой области знания. Именно такой алгоритм — междисциплинарность на базе фундаментальности — стал основополагающим при создании научно-образовательных школ в Московском университете, в том числе школы гуманитарных наук под обобщенным названием «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

В рамках этой школы исторический факультет является базовым для прикладных исследований по стратегическому проекту «Золотой фонд МГУ» и фундаментальных исследований по направлению «Историко-политическая конфликтология современности». На этом направлении сосредоточены усилия специалистов восьми факультетов, что дает возможность изучения общественных, групповых и личных конфликтов в широком диапазоне: историческом, политическом, международном, социологическом, психологическом, коммуникационном, медийном и др.

Для исторического факультета изучение конфликтов в истории международных отношений не внове. Более того, эта проблематика в XXI в. стала одним из ключевых направлений фундаментальных исследований на кафедре новой и новейшей истории стран Европы и Америки. В течение нескольких лет был опубликован ряд работ, в которых теоретическому осмыслению подверглись различные аспекты

и формы международных конфликтов современности¹. Их изучение подвело коллектив авторов к более амбициозному замыслу: анализу крупнейших конфликтов в мировой истории — Первой и Второй мировых войн. Новизна подхода состояла в первом случае в определении и оценке влияния «Великой войны» на судьбы европейской цивилизации (внутреннюю и внешнюю политику европейских государств, экономику и социальные отношения, появление новых массовых радикальных движений, приведших к кардинальным сдвигам в политическом устройстве ряда стран, военное дело, культуру и т.д.)². Проведенный многофакторный анализ показал, что именно этот грандиозный конфликт лежал в основе кардинальных общественных перемен, обусловивших новый облик Европы в первой половине XX в. Во втором случае авторы вышли за пределы Европы. Новизна их подхода заключалась в попытке ответить на вопрос: какое влияние оказала Вторая мировая война на трансформацию всей системы международных отношений и почему эта — традиционно многополюсная система — превратилась в итоге в биполярную³. Авторы монографии рассмотрели данную трансформацию в дихотомии «закономерный итог — аномалия», а именно: сложившаяся после Второй мировой войны биполярная система международных отношений есть закономерный итог предшествовавшего развития всей этой сферы или результат некоей аномалии, обусловленной гигантскими масштабами конфликта?

Размышления над проблемой эволюции системы международных отношений в течение и сразу после Второй мировой войны закономерно побудили нас взглянуть на нее в более длительной исторической перспективе — во второй половине XX в. Какие очертания принял международный конфликт в этот период? В общем виде ответ известен: очередным аналогом мировых войн стала «холодная война». Ее изучение привлекало и продолжает привлекать к себе внимание многочисленных исследователей, что неудивительно. Это явление на протяжении 70-ти лет продолжает определять мировую повестку, влияет на высокую политику и на повседневную жизнь.

¹ Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории / Отв. ред. А.С. Маныкин. М., 2001; Введение в теорию международных отношений / Отв. ред. А.С. Маныкин. М., 2001; Основы общей теории международных отношений / Отв. ред. А.С. Маныкин. М., 2009; Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее / Под ред. А.С. Маныкина. М., 2010.

² Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Отв. ред. Л.С. Белоусов, А.С. Маныкин. М., 2014.

³ Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М., 2020.

Удивительно другое. Несмотря на обилие работ, посвященных «холодной войне» и хорошую изученность ее фактологической стороны, до сих пор не существует приемлемого для научно-академического сообщества ответа на целый ряд принципиальных вопросов, касающихся ее сущностных характеристик. Начнем с того, что есть серьезные разногласия в вопросе о том, что понимать под «холодной войной». Когда этот термин был вброшен в широкий оборот, над ним особенно не задумывались, полагая, что это понятие используется для описания некоего пограничного состояния, отделявшего отношения военных лет, когда США и СССР были союзниками, от качественно иного периода — назревающего военного противостояния лидеров двух конкурирующих социальных систем. Это тогда казалось вполне правдоподобным.

Однако время шло. В «холодной войне» были свои обострения, когда мир балансировал на грани войны, были периоды стабилизации. Но напряженность в советско-американских отношениях превратилась в постоянный фактор мировой политики, а учитывая то положение, которое США и СССР занимали в мировом сообществе, «холодная война» стала не просто неотъемлемым атрибутом международных отношений, а фактором, определяющим их динамику. Если «холодная война» — не случайный эпизод в послевоенной истории, то тогда необходимо определить, что же мы понимаем под этим термином.

В нашем представлении «холодная война» — это особый, устойчивой тип конфликтного взаимодействия двух государств и возглавляемых ими блоков, который предполагал постоянное использование широкого набора разнообразных средств давления и устрашения противника, не переходящий при этом черту, за которой следует прямое использование вооруженной силы (за исключением локальных стычек в региональных конфликтах)⁴. Это последнее обстоятельство важно подчеркнуть. За всё время существования «холодной войны» ее участники ни разу не перешли запретную грань, отделявшую «холодную войну» от полномасштабной «горячей». Справедливости ради отметим, что история знает несколько эпизодов, когда мир был на волоске от начала новой полномасштабной «горячей» мировой войны (в ходе войны в Корее, в разгар Берлинского и Карибского кризисов и др.⁵).

⁴ Подробнее о роли конфликтного взаимодействия в функционировании bipolarной системы см: Основы общей теории международных отношений / Отв. ред. А.С. Манькин. Гл. 17.

⁵ Подробнее о роли этих драматичных эпизодов в истории «холодной войны» см.: Печатинов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М., 2017.

Неудивительно, что диапазон оценок «холодной войны» чрезвычайно широк. На одном фланге — крайне негативные, делающие акцент на том, что «холодная война» означает постоянный риск сорваться в большую войну, полная неопределенность и непредсказуемость перспектив развития мирового сообщества, огромные финансовые издержки и т.д. (У. Липпман, М. Каплан, Р. Уолтон и др.). На другом — мы сталкиваемся с утверждением, что только благодаря «холодной войне» человечество избежало губельного сползания к третьей мировой войне (А. Гэддис, Р. Сибури, К. Уолтц и др.).

Конечно, эмоциональная окраска подобных высказываний вряд ли способна дать объективную оценку интересующего нас феномена. Просто эти точки зрения выдвигают на первый план какую-то одну черту явно многомерного явления.

На наш взгляд, очевидно, что «холодная война» очень сложное, в полном смысле комплексное понятие, включающее в себя целый ряд разноплановых параметров — политико-дипломатический, геополитический, военно-силовой, экономический, идеологический и т.д. Очевидно, что столь разноречивые качества уже сами по себе трудно сопоставимы. А уж когда речь заходит об их восприятии конкретными специалистами, то нет ничего удивительного в том, что мы сталкиваемся с чрезвычайно широкой палитрой мнений.

Естественно, подобная ситуация возникает не только при общей оценке такого явления, как «холодная война», но и при общем обсуждении многих значимых, но всё же частных вопросов, касающихся тех или иных аспектов ее истории. Например, не утихают отечественные споры о том, что же стало причиной возникновения «холодной войны». Весьма распространена версия, что в основе «холодной войны» лежала идеологическая несовместимость тех систем ценностей, которые разделяли США и Советский Союз. У этой версии немало сторонников, ибо, действительно, идеологические разногласия между двумя сверхдержавами лежали на поверхности. Об этом, кстати, любили говорить и сами советские и особенно американские лидеры, сознательно педалируя «судьбоносный» для всего человечества характер противоборства сверхдержав. Это было выгодно делать, поскольку позволяло поддерживать внутриблоковую дисциплину. Однако при таком подходе «холодная война» вполне очевидно должна была бы завершиться с распадом СССР, но, как нам представляется, этого не произошло.

Еще более примитивно выглядит версия, что причиной «холодной войны» была персональная несовместимость лидеров сверхдержав. Конечно, Трумэна и Сталина сложно представить в виде партнеров, но ведь их сменили другие лидеры, совсем иные по

своим личным качествам, а «холодная война» продолжала определять характер советско-американских отношений. Значит, дело здесь не только и не столько в особенностях личностных характеристик политических лидеров (хотя на самом деле, тема человека, роли личностного фактора, как справедливо отмечает известный отечественный специалист Э.Я. Баталов, незаслуженно обойдена вниманием, «словно затерялась» в работах по международным отношениям⁶). Видимо, причины устойчивости интересующего нас вида взаимодействия двух ведущих мировых держав следует всё же искать в фундаментальных принципах деятельности государства на международной арене. Общеизвестной базовой задачей любого государства является сохранение суверенитета, т.е. возможность жить и развиваться в соответствии со своими законами и традициями. Авторитетный исследователь Ф. Нортедж справедливо отмечает, что именно «суверенитет гарантирует государству вхождение в мировое сообщество»⁷. Действительно, если нет суверенитета, то нет и полноценного независимого государства. Вопрос, следовательно, состоит в том, каким образом гарантировать сохранение суверенитета. Ключевое значение здесь приобретает проблема обеспечения безопасности.

Если с трактовкой термина «суверенитет» всё более или менее ясно, то с интерпретацией понятия «безопасность» дело обстоит не так просто. В разные исторические эпохи, в различных государствах под безопасностью понимается далеко не одинаковый набор мер, необходимых для того, чтобы ее гарантировать. Вот здесь нередко возникают жесткие коллизии между главными действующими лицами мировой политики. Эта проблема приобретает особую актуальность, когда после крупных военных конфликтов в повестку дня встает вопрос о послевоенном урегулировании, в ходе которого закладываются долговременные основы нового мирового порядка.

Так произошло и после окончания Второй мировой войны, когда вокруг комплекса проблем, связанных с безопасностью Советского Союза, завязалась острейшая борьба, повлекшая за собой эрозию, а затем и распад антигитлеровской коалиции. В итоге союзническое взаимодействие сменилось качественно иным вариантом двусторонних отношений — конфликтным взаимодействием, известным широкой общественности под названием «холодная война»⁸. Таким

⁶ Современная мировая политика / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2009. С. 81.

⁷ Northedge F. International Political System. London, 1976. P. 20.

⁸ Подробнее об этих процессах см.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений... Ч. IV. Здесь как раз рассматривается переход от взаимодействия в рамках антигитлеровской коалиции к «холодной войне».

образом, первопричину «холодной войны» следует искать, как нам представляется, в фундаментальных факторах международной жизни, в первую очередь относящихся к сфере геополитических проблем.

Отсюда, на наш взгляд, вытекает ответ и на другой принципиально важный вопрос. В чем причина исключительно высокой живучести этой формы взаимодействия двух держав? Опять-таки — в фундаментальности базовых понятий, определяющих характер поведения государства на международной арене. Действительно, набор средств, используемых для обеспечения суверенитета и безопасности, меняется гораздо реже, чем другие составляющие внешнеполитического курса. Собственно говоря, то представление об этих понятиях, которое сформировалось у США и СССР в конце 40-х гг. прошлого века, в основе своей не изменилось на протяжении всей истории биполярного мира. Соответственно и набор конкретных действий, и ответная реакция на них оставались вполне определенными и предсказуемыми.

Распад СССР и образование на его месте группы новых независимых государств, крупнейшим из которых стала Российская Федерация, казалось бы, безвозвратно сломал прежнюю парадигму взаимодействия тех двух держав, вокруг которых вращалась вся мировая политика. Действительно, конец XX в. был ознаменован сумбурными попытками США построить однополярный мир. Однако, чем дальше, тем очевиднее становилось, что их усилия не приносят ожидаемого результата. Более того, конфликтный потенциал международных отношений вновь стал увеличиваться, ибо всё большее число их участников осознавало, что утверждение на практике «Американского века» неизбежно обернется ущербом для их суверенитета и безопасности. Это отчетливо начали осознавать и в России. И вот тут выяснилось, что, несмотря на серьезнейшие изменения, которые произошли на геополитическом пространстве бывшего Советского Союза, у его правопреемника — Российской Федерации — во многом сохранился тот же набор интересов. Именно их пытаются отстаивать на международной арене российские власти в XXI в.

Понятно, что такое развитие событий не устраивало США, реакция которых была предсказуема. В Вашингтоне решили вернуться к использованию проверенного временем инструментария из арсенала «холодной войны». В итоге, история, с некоторыми важными модификациями, возвращается к привычному, конфликтному варианту взаимодействия двух государств. Видимо, это лишнее подчеркивает, что у «холодной войны» имеются объективные предпосылки, которые и объясняют такую живучесть данного феномена.

Означает ли это утверждение, что «холодная война» является вполне приемлемой, может быть, даже оптимальной для ракетно-ядерного века формой взаимодействия двух ведущих в военном отношении держав? Думается, что, несмотря на ее устойчивость, «холодную войну» вряд ли справедливо считать тем ориентиром, к которому следует стремиться мировому сообществу. Да, «холодная война» помогла избежать губительной для всего человечества третьей мировой войны. Однако в ее истории, как уже отмечалось выше, было несколько случаев, когда мир в прямом смысле слова находился на волоске от того, чтобы управляемый конфликт («холодная война») вырвался из-под контроля и мир был бы ввергнут в хаос новой мировой войны с использованием всего имевшегося у сторон арсенала средств взаимного уничтожения. Последствия такого сценария были бы катастрофическими. И хотя после Карибского кризиса 1962 г. и СССР и США уделяли большое внимание совершенствованию механизмов предупреждения возможных ядерных конфликтов, стопроцентных гарантий против возникновения случайных инцидентов, способных повлечь за собой спонтанное начало глобальной войны, пока не существует.

Здесь мы выходим на еще один принципиально важный вопрос, который широко обсуждается в академических кругах и в публицистике: что может стать альтернативой «холодной войне»? На первый взгляд, ответ простой: во всех спорных вопросах, возникающих на международной арене, следует руководствоваться Уставом ООН. Однако на практике возможности ООН в урегулировании международных конфликтов, тем более, когда речь идет о событиях, касающихся постоянных членов Совета Безопасности ООН, весьма ограничены. Вероятно, можно согласится с оценкой известного отечественного исследователя А.Д. Богатурова, который пишет: «Главной функцией ООН... было не совершенствование международной действительности и содействие распространению морали и справедливости, а предупреждение вооруженного столкновения между СССР и США...»⁹.

Другой вариант, нацеленный на снижение вероятности перерастания «холодной войны» в «горячую», был связан с эволюцией военной доктрины США. На начальном этапе «холодной войны» эту роль выполняла «доктрина массированного возмездия», которая как раз допускала, что при известных условиях (их будут определять сами США) «холодная война» может перерасти в полномасштабную

⁹ Системная история международных отношений. В 4-х т. 1918–2003 / Под. ред. А.Д. Богатурова. Т. 3. М., 2003. С. 12.

горячую войну. Однако после потери США стратегической неуязвимости, размахивание «ядерной дубинкой» стало выглядеть явно неадекватным. Это хорошо поняли и сами американские стратеги. Отсюда — поиск более соответствующей новым стратегическим реалиям военной доктрины. Так родилась концепция использования военной силы, известная как «доктрина гибкого реагирования».

Название отражает общий замысел. Силу или угрозу ее применения необходимо использовать в той мере, в какой этого требует конкретная ситуация, т.е. дозировано. Теоретически такой подход сужал «окно возможностей» для эскалации конфликта. Однако, если на бумаге подобный гипотетический сценарий должен был способствовать снижению накала противостояния сверхдержав, то реальная история международных отношений 1960-х гг. отнюдь не подтверждает этот тезис. Действительно, прямой, непосредственной конфронтации между США и СССР в тот период не было. Тем не менее, именно тогда мир напряженно следил за развитием событий в ходе войны во Вьетнаме, а аналитики-международники размышляли о том, перерастет ли этот, по сути региональный, конфликт в прямое столкновение сверхдержав.

Вьетнамский эпизод в истории международных отношений наглядно показывает, что теоретические расчеты и реальности мировой политики нередко не совпадают. По мысли американских стратегов, война на периферии биполярной системы против союзника СССР должна была продемонстрировать всему миру мощь Америки при небольших затратах и рисках. Вместо этого США втянулись в тяжелейший, дорогостоящий конфликт, обернувшийся крупнейшим внешнеполитическим провалом за всю историю США. Жизнь показала, что в биполярном мире любой конфликт очень легко может перерасти в прямое противостояние США и СССР, и не суть важно, где он возник — в ядре системы или на периферии.

Колоссальные издержки вьетнамской авантюры заставили американское руководство серьезно задуматься над корректировкой своей внешнеполитической стратегии и прежде всего о модусе взаимоотношений с СССР. Тезис о необходимости победы в «судьбоносном противостоянии» с СССР никто не отменял, но вот как проще, эффективнее и дешевле этого добиться? Война во Вьетнаме показала, что ставка на чисто силовые методы борьбы с противником далеко не всегда приносит успех. Возможно, разумнее упорядочить конфликтное взаимодействие с СССР на приемлемой для сторон основе и перенести акцент на вовлечение СССР в мировое хозяйство, где у США имелись большие возможности для оказания давления на конкурента. Соперничество в политическом пространстве

предполагалось вынести на периферию биполярной системы и при этом исключить непосредственное участие сверхдержав в возможных конфликтах. Позднее такие вооруженные столкновения назвали «войнами по доверенности».

В СССР не принято было публично обсуждать вопросы внешне-политической стратегии, но на XXIV съезде КПСС в 1971 г. звучали (правда, с использованием несколько иной терминологии) мысли в определенной мере сходные с теми, что обсуждались в политико-академическом комплексе США. Неудивительно, что не только в теории, но в реальной политике в начале 1970-х гг. наметились серьезные подвижки.

Наступил период «разрядки». В свое время вокруг этого понятия было немало эйфории. Журналисты, всегда склонные к преувеличениям, даже утверждали, что эпоха «холодной войны» завершена.

На деле ее похороны оказались преждевременными. «Холодная война» никуда не исчезла. Она просто приняла другие формы¹⁰. Прежде всего, основные события ее обновленной версии были перенесены на глубокую периферию биполярного мира, и при этом сами сверхдержавы, особенно США, переживавшие «вьетнамский синдром», тщательно избегали любых действий, способных втянуть их в прямое участие в периферийных распрях своих союзников.

Казалось бы, подобная сдержанность должна была способствовать снижению накала «холодной войны». Действительно, в 1970-е гг. не было зафиксировано кризисов, сопоставимых по своей напряженности с теми, которыми были заполнены два предыдущих десятилетия. Однако «горячие точки» стали быстро расползаться по всей планете, и это расшатывало баланс сил, который обеспечивал устойчивость биполярной системы. На наш взгляд, вопрос о влиянии подобной корректировки стратегии ведения «холодной войны» на судьбу биполярной системы остается открытым и требует дальнейших исследований. Думается, что определенная дисперсия влияния, имевшая место в это время в международных отношениях, все же подтачивала устои биполярной системы. Пока внимание Москвы и Вашингтона было приковано к разбросанным по всему миру «горячим точкам», Япония, Западная Европа, Китай постепенно укрепляли свои позиции в мировой экономике и отчасти в политической сфере. Появилась группа государств, претендовавших на роль региональных лидеров. Хотя в целом почти все они (за исключением КНР) оставались в орбите влияния сверхдержав, во многих конкретных вопросах мировой политики эти государства пытались проводить

¹⁰ Подробнее о характере советско-американских отношений в годы «разрядки» см.: Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. Гл. XI.

относительно самостоятельную политическую линию, далеко не во всем совпадавшую с позицией флагмана.

Всё это медленно, но неуклонно подтачивало устойчивость биполярного миропорядка, вело к его эрозии. Вопрос заключался в том, было ли это связано с издержками «холодной войны» или с тем, что объективные тренды в развитии мирового сообщества плохо вписывались в жесткие рамки биполярной системы. Думается, что реальная картина процессов, проходивших в сфере международных отношений под влиянием многочисленных изменений, охвативших человеческую цивилизацию в 1970-е гг., была гораздо сложнее, чем та дихотомическая схема, которую мы изложили выше. Однако очевидно, что скорость адаптации сверхдержав к охватившим мир переменам сыграла свою роль в конечном итоге советско-американского соперничества и в судьбе биполярной системы в целом.

Влияние глубоких перемен в мировом хозяйстве, происшедших в 1970-е гг., на динамику «холодной войны» заслуживает специального изучения. Сейчас отметим лишь то, что советское руководство явно недооценило необходимость серьезных усилий, нацеленных на повышение общей эффективности советской модели народного хозяйства (а не только ВПК). Злую шутку с советским руководством сыграла революция цен на энергоносители¹¹. Огромный скачок цен на нефть, казалось бы, давал СССР прекрасные шансы на спокойное реформирование всей социальной-экономической сферы. Однако шанс этот не был использован. В то же время США, несмотря на немалые трудности, сумели осуществить в те же годы глубокую перестройку экономики, в результате которой они вступили в стадию «постиндустриального общества», тогда как СССР все еще оставался в стадии «индустриального общества». В результате возник так называемый «стадиальный разрыв» — очень опасное для определения статуса страны в неформальной иерархии государств явление. Еще со второй половины XIX в. аксиомой считалось, что для результатов соперничества государств стадиальный разрыв является чуть ли не смертельным приговором для отставшего.

Другое дело, что столь масштабные перемены осознаются современниками не сразу. Однако, на рубеже 70-х — 80-х гг. XX в. для американцев не было секретом, что советская экономика переживает серьезные трудности. Следует также учесть, что в самих Соединенных Штатах к этому времени произошли глубокие перемены не только в сфере экономики, которая вступила в фазу уверенного подь-

¹¹ Подробнее о влиянии революции цен на энергоносители на советскую внешнюю политику см.: *Скорородова О.Н.* Эпоха великих потрясений. Энергетический фактор в последние десятилетия холодной войны. М., 2020. Гл. 2 и 5.

ема, но и в идейно-политической области, где консервативные силы перешли во фронтальное наступление, одной из жертв которого стала «разрядка»¹². Р. Рейган, обожавший интерпретировать проблемы реальной политики в морально-этических категориях, обозвал «разрядку» пораженческой политикой и призвал запад, сплотившись вокруг США, начать крестовый поход против «империи зла», т.е. СССР.

За этими звонкими лозунгами скрывались вполне прагматичные цели. Подобным образом команда Рейгана пыталась оправдать курс на взвинчивание гонки вооружений, которая, как полагали советники американского президента, ляжет непосильным бременем на советскую экономику и сделает Москву более сговорчивой. Особая ставка делалась на высокотехнологичные виды вооружений. В этом контексте первостепенное внимание и современников, и последующих поколений исследователей вызывала программа СОИ. До сих пор не утихают споры о том, как трактовать этот план. Одни исследователи полагают, что это был тонко рассчитанный политический блеф, нацеленный на то, чтобы поставить советское руководство перед сложным выбором: либо официально признать свое отставание от США (в научной и финансовой области), либо втянуться в изнурительное соперничество с ними, подрывающее перспективы совершенствования социально-экономической сферы и улучшения качества жизни. Другие считают, что «ястребы», игравшие ключевые роли в администрации Рейгана, реально рассчитывали сломать стратегический паритет и таким образом занять доминирующие позиции в международных отношениях. Третьи полагают, что цель программы СОИ состояла в том, чтобы максимально стимулировать научно-технический прогресс и таким образом ещё больше закрепить лидирующие позиции США в определении магистральных направлений развития мирового сообщества.

Так или иначе, но советское руководство оказалось в непрестом положении. Ситуация осложнялась тем, что после смерти Л.И. Брежнева политическая система страны вступила в полосу нестабильности, которая, казалось бы, завершилась в 1985 г. с приходом к власти М.С. Горбачёва. В истории «холодной войны» начался новый этап. Поскольку последний советский лидер предполагал осуществить широкомасштабную перестройку всей социально-экономической сферы, дальнейшее нагнетание напряженности в советско-американских отношениях было явно не в его интересах. Уже в первые месяцы своего пребывания у власти Горбачев отчётливо обозначил готовность к нормализации двусторонних отношений. Само по

¹² Подробнее см.: *Гарбузов В.Н.* Рейгановская революция. М., 1999. Ч. 1. Гл. 2; Ч. 2. Гл. 3.

себе это было вполне рациональное решение. Эскалация «холодной войны» ни в коей мере не соответствовала государственным интересам СССР.

Вопрос, однако, заключался в том, какими конкретными установками руководствовалась советская сторона в ходе переговоров, какие цели и задачи она ставила перед собой. В принципе установки советской дипломатии известны. Это прежде всего задача укрепления безопасности и суверенитета страны. Однако во второй половине 80-х годов ее решение увязывалось не столько с наращиванием и модернизацией военного потенциала, сколько с поиском взаимоприемлемых для двух ведущих держав новых алгоритмов поведения на международной арене. Начавшаяся в СССР «перестройка» идеологически основывалась на концепции «нового политического мышления», суть которого в международной сфере сводилась к пониманию безопасности во взаимозависимом мире как безопасности всеобщей, а не блоковой. По заявлениям советского руководства классовые цели внешней политики СССР уступали место общечеловеческим ценностям, что, в конечном счете, означало признание права на существование капиталистической системы как таковой. Деидеологизация классовой внешней политики, по замыслу новых советских лидеров, открывала возможность отказа от принципов «холодной войны» и формирования новой системы международных отношений, основанной преимущественно на балансе интересов, подкрепляемой балансом сил.

Однако поддерживать прежний баланс сил в условиях неумолимо надвигающейся катастрофы в советской экономике становилось все труднее. Поэтому обеспечение безопасности страны иными, отличными от прежних форм средствами становилось категорическим императивом для сохранения контроля над ситуацией в целом.

В международном плане ситуация приобретала парадоксальный характер. Снижение накала советско-американского противостояния вело к затуханию «холодной войны». Однако параллельно шел процесс распада биполярной системы, ибо условием ее функционирования было примерное равновесие сил и влияния двух полюсов, роль которых долгие годы уверенно выполняли США и СССР. Советский Союз катастрофически быстро утрачивал роль экономического и политического флагмана одного из полюсов. И как только равновесие было деформировано, а затем вообще разрушено, начался необратимый распад всего комплекса¹³. Эйфория, которую вызвало у

¹³ Триггером распада послужила избыточная доверчивость М.С. Горбачева и его ближайшего окружения к устным, не имевшим юридической силы заявлениям западных партнеров по переговорам (Дж. Бейкер, Г. Коль) о сохранении баланса сил, не допускаям расширения НАТО на Восток.

многих специалистов окончание (как позднее стало ясно — временное) «холодной войны», на деле оказалась предвестником сложнейшего, крайне болезненного и изнурительного процесса формирования очередной модели миропорядка, в котором нашлось место и для новой версии «холодной войны».

В этом контексте для нас особый интерес представляет осмысление комплекса вопросов, связанных с выявлением особенностей феномена «холодной войны» применительно к XXI в., прежде всего вопрос о том, как трактовать современную версию конфликтного взаимодействия США и теперь уже не СССР, а Российской Федерации. То ли рассматривать это явление как простую адаптацию «классической холодной войны» к процессам формирования нового миропорядка, то ли трактовать современную версию «холодной войны» как качественно новый вариант конфликтного взаимодействия теперь уже трёх держав — США, КНР и РФ, или как-то иначе?

По всем этим вопросам в отечественной и зарубежной литературе мы находим разные, зачастую противоположные точки зрения. Так, «холодную войну» нередко трактуют как сугубо исторический феномен прошлого века, рожденный во вполне определенных политических условиях после Второй мировой войны и обладавший специфическим набором черт, делавших его неповторимым. Иной подход основан на представлении о «холодной войне» как одной из перманентных форм межгосударственных конфликтов в новейшее время в целом. Компромиссная позиция допускает возможность «рассматривать холодную войну как один из видов межгосударственных конфликтов, который имеет специфические черты и особенности, а холодную войну 1946–1990 гг. — как его частный случай»¹⁴. Есть и иные точки зрения, но все они исходят из очевидного факта: «холодная война» как исторический феномен родилась в условиях формирования биполярной системы международных отношений после Второй мировой войны и составляла ее стержень вплоть до краха на рубеже 1980–1990-х гг. В этой связи нам представляется, что ключ к пониманию дальнейшей динамики и характера мировой политики лежит в анализе взаимосвязи системы международных отношений (биполярной, однополюсной, полицентричной) и «холодной войны».

Научный багаж, необходимый для взвешенной оценки этой проблемы, на наш взгляд, в должном объеме еще не накоплен. Пока можно лишь очертить условный круг проблем, требующих разработки.

¹⁴ Куприянов А.В. Холодная война как особый тип конфликта. Стратегический этюд // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. С. 36.

Прежде всего, необходимо определить тип складывающейся ныне системы международных отношений. Биполярная система была основана на двух блоках государств, ведомых двумя лидерами, радикально превосходившими всех остальных по своему потенциалу мощи. Применительно к западному блоку эта конструкция в основном сохранилась, хотя претерпела определенные изменения: экономически США остаются на лидерских позициях, но общее соотношение потенциалов мощи, и прежде всего ВВП, изменилось в пользу остальных членов НАТО. Соединенные Штаты утратили и безусловный моральный авторитет, который они имели в разгар «холодной войны» (флагмана борьбы с мировым коммунизмом) и сохраняли его в начале текущего века в качестве лидера либеральной глобализации. Однако сегодня США переживают серьезный кризис собственной политической системы, радикальный раскол общества. Ныне США уже не могут претендовать на позицию морального авторитета, поскольку либеральная глобализация — идеологическая основа однополюсного мира 1990-х гг. — потерпела неудачу, а попытки администрации Дж. Байдена представить противостояние США с Китаем и Россией как борьбу демократии с авторитаризмом не выходят за рамки общих рассуждений и призывов к сплочению западного мира. Безусловное превосходство над остальными членами НАТО остается лишь в военной сфере, которая в противостоянии с Китаем не является решающей. Да и «послушания» со стороны западных союзников поубавилось, поскольку Пекин является их крупнейшим экономическим партнером¹⁵, утрата связи с которым может им дорого обойтись. Тем не менее, Америка не отказалась от своего стремления к сохранению мирового лидерства, что является определяющим трендом мировой политики.

Однако с этой претензией явно не могут согласиться ключевые оппоненты США — Китай и Россия. Эти государства в 2017–2018 гг. были названы «угрозой» в стратегии национальной безопасности США и в ряде других основополагающих документах. При Д. Трампе Китай получил в США некий статус «стратегического конкурента», что стало обоснованием для развертывания с ним в 2018–2019 гг. жесткой торговой войны. В этой связи отметим, что в истеблишменте США давно сложился консенсус по проблеме противодействия КНР. Во всех предвыборных платформах кандидатов на пост прези-

¹⁵ Как и для Индии и стран АТР, которые США пытаются переориентировать на сдерживание Китая. Лучшее тому подтверждение — заключение в сентябре 2021 г. трехстороннего договора между США, Великобританией и Австралией (AUKUS) в сфере обороны и безопасности. Его участники не скрывают, что намерены противодействовать усилению КНР в Индо-Тихоокеанском регионе в военной и технологической сферах.

дента США, начиная с 1990-х гг., содержался тезис о необходимости сдерживания Пекина, который экономически проник в «поры» американского и западного общества в целом. Поэтому считается, что у современного Китая больше инструментов влияния в мире, чем было у Советского Союза в разгар «холодной войны».

Таким образом, в качестве одного полюса силы мы по-прежнему видим западный мир пока еще во главе с США, на другой стороне — Китай и Россия. Но есть ли основания говорить о некоем едином противоположном полюсе?

В 1980–2010 гг. мы стали свидетелями фантастического эксперимента — превращения Китая на исторически коротком промежутке времени из относительно отсталой страны с огромным, сравнительно бедным населением в мощную, технологически развитую державу, соперничающую на равных с Соединенными Штатами. Именно США, как бы парадоксально это ни звучало, вскормили своего главного конкурента: это и огромные прямые инвестиции, и перенос производств на территорию КНР, и открытые двери внутреннего рынка для китайской продукции, и подготовка кадров (сотни тысяч китайских студентов в американских университетах). Эти конкурентные преимущества, помноженные на дешевую рабочую силу и трудолюбие китайцев, а также осторожную, взвешенную политику руководства КНР дали невероятный результат: спустя несколько десятков лет перед нами предстала новая, индустриально развитая страна, претендующая на глобальное лидерство. Уже в 2003 г. в Китае был провозглашен лозунг «мирного возвышения» (путь к лидерству без использования военных инструментов), а спустя 10 лет Си Цзиньпин предлагал США концепцию «отношений нового типа между большими государствами»¹⁶. И Китай придерживался этой линии вплоть до объявления Трампом торговой войны, которая развернулась с весны 2018 г. и, похоже, обрела необратимый характер. Основные площадки противостояния Китая и США — сфера высоких технологий (искусственный интеллект, информационные системы 5G и др.) и место в глобальных производственных цепочках. Наряду с военной мощью и экономическим потенциалом именно эти сферы определяют роль и значимость держав в современном мире.

Ответом КНР на наступление Трампа стало ужесточение внешнеполитической риторики и изменение курса внутри страны. На смену «культурной дипломатии» в образе пассивного наблюдателя на мировой арене пришла задача активного противодействия наступательной стратегии США. Китай понял, что прежних «добрых»

¹⁶ Подробнее см.: Ломанов А.В. Циркуляция против изоляции // Россия в глобальной политике. 2021. № 3. С. 9–10.

отношений уже не будет. Политика США воспринимается руководством КНР как подрыв перспектив развития страны и власти коммунистической партии. Отсюда — жесткость внешнеполитической риторики Пекина и новый стиль дипломатии¹⁷.

Этот тактический поворот может быть легко скорректирован при формировании соответствующих условий. Но росчерком пера невозможно изменить стратегию «двойной циркуляции» — новый курс внутренней политики, провозглашенный КНР весной 2020 г. Он предполагает перенос центра тяжести на развитие внутреннего потребительского рынка при сохранении (но не решающей роли) сотрудничества с внешним миром. В этой связи возникает закономерный вопрос: каково место России в новой конфигурации центров силы и, в частности, американо-китайском соперничестве — ключевом элементе переменчивой динамики современного мира?

В XXI в. Россия активно претендует на статус автономного центра силы¹⁸ в условиях быстрого по историческим меркам формирования многополярного мира. Полицентризм является ключевой идеей российской внешней политики¹⁹. Он предполагает наличие нескольких центров силы, опирающихся прежде всего на собственный потенциал мощи, содержание которого может быть различным. Китай уже обогнал США при расчете ВВП по паритету покупательной способности, но пока еще существенно отстает в военной сфере. Россия — напротив: ее экономический потенциал далек от американского и китайского, но она по-прежнему обладает сопоставимым с США потенциалом атомного оружия, и американские аналитики в сфере безопасности рассматривают именно Россию в качестве главной военной угрозы (космос, киберпространство, высокоточное и ядерное оружие).

В этой связи встает вопрос: могут ли возникнуть стратегические альянсы между указанными выше странами и если могут, то на какой основе и насколько прочные?

Казалось бы, ответ лежит на поверхности: сама история подталкивает Россию и Китай «в объятия друг друга», тем более что формальные предпосылки для этого давно созданы. В июне 2021 г. был автоматически продлен Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве России и КНР, подписанный 20 лет назад. В нем констатировалось отсутствие территориальных претензий друг к другу,

¹⁷ Стиль «боевых волков» (Wolf Warrior Diplomacy). — См.: *Zhu Z. Interpreting China's Wolf Warrior Diplomacy // The Diplomat. 2020. N 5. P. 648–658.*

¹⁸ См.: *Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. 27.02.2012.*

¹⁹ *Лавров С.В. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. № 3. С. 12–13.*

содержались взаимные гарантии безопасности, допускалась возможность совместных действий, если Россия или Китай станут жертвой агрессии, повышалась транспарентность в военных вопросах и т.д. Однако речь шла не столько о союзе, сколько о некоем стратегическом партнерстве, которое «не связывало руки» и вполне устраивало договаривающиеся стороны. Сотрудничество в таком формате за два десятилетия доказало свою эффективность, иначе договор не был бы успешно продлен.

И вновь зададимся еще одним вопросом: есть ли более глубокие общие интересы и цели внешней политики России и Китая (помимо недовольства стремлением США к «цветным революциям» и смене «репрессивных режимов»), которые могли бы стать основой для формирования нового полюса силы, сопоставимого по потенциалу мощи (экономической и военной) с Соединенными Штатами? От ответа на этот вопрос, которого пока нет, зависит дальнейшее форматирование системы международных отношений в XXI в.

Пока же есть основания полагать, что «холодной войны» полностью аналогичной той, которая была во второй половине XX в., в наше время быть, скорее всего, уже не может. Как отмечалось выше, биполярная система международных отношений была основана на конфликтном взаимодействии двух супердержав, значительно превосходивших своих союзников по потенциалу мощи. Сейчас же всё идет к формированию полицентричной системы, которая предполагает наличие нескольких примерно равновеликих центров силы. Современный мир не делится на два блока ни экономически, ни политически. У Китая нет сети военно-политических альянсов, но есть нечто большее, чем было у СССР, — ключевые позиции в постоянно расширяющихся производственных цепочках по всему миру (только в последнее время: «один пояс — один путь», всеобъемлющее соглашение об инвестициях с Евросоюзом и др.). Китай, Россия и Евросоюз не ведут идеологической борьбы ни между собой, ни за третьи страны, хотя США пытаются объединить западных союзников под лозунгом «трансатлантического единства» на платформе «противостояния демократии авторитарным режимам»²⁰. В отличие от СССР Китай не только не пытается навязать кому-либо свою идеологию и экспортировать коммунистическую революцию, но, напротив, стремится защитить правление КПК от зарубежной критики.

²⁰ Некоторые отечественные политологи полагают, что в нынешнем туре «холодной войны» идеологический компонент существует, но «играет сугубо инструментальную роль, прикрывает борьбу за геоэкономические и геополитические ресурсы». — См.: *Караганов С.А. О третьей холодной войне // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. С. 29.*

Таким образом, даже в первом приближении мы можем констатировать, что в XXI в. ядерное противостояние России и США никуда не ушло и остается одним из наиболее важных компонентов сдерживания. Однако борьба за глобальное лидерство сместилась в сферу высоких технологий и экономического потенциала (мировых производственных цепочек) и развернулась между КНР и США. Уместно ли в данном случае говорить о некоем триедином пространстве «холодной войны 2.0»?

Этот вопрос сейчас находится в повестке дня ведущих держав, поскольку общее понимание таково, что дальнейший рост напряженности в мире в обозримом будущем неизбежен. Это обусловлено, во-первых, отсутствием (практически полным) доверия среди главных игроков; во-вторых, отсутствием надежного механизма сдерживания; в-третьих, стремлением к сохранению глобального лидерства США, с одной стороны, и к завоеванию его Китаем, с другой

Опыт изучения «холодной войны» в XX в. служит хорошей базой и стартовой площадкой для изучения новых условий и характеристик «холодной войны 2.0.» Ответы на поставленные выше вопросы (и не только эти) даст время и фундаментальные исследования, одно из которых мы планируем провести в МГУ в рамках научно-образовательной школы по направлению «Историко-политическая конфликтология современности». Эта работа уже начата.

References

Garbuzov V.N. *“Reaganovskaya revolyutsiya”: teoriya i praktika amerikanskogo konservatizma, 1981–1988* [“Reagan Revolution”: Theory and Practice of American Conservatism, 1981–1988]. Saint Petersburg; Pskov: Pskovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 1999. 556 p.

Karaganov S.A. *O tre'tey kholodnoy voyne* [On the Third Cold War] // *Rossiya v global'noy politike*. 2021. N 4. P. 21–34.

Konflikty i krizisy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: problemy teorii i istorii [Conflicts and Crises in International Relations: Theoretical and Historical Issues] / Ed. by A.S. Manykin. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2001. 297 p. (Issues of American Studies. Issue 11).

Kupriyanov A.V. *Kholodnaya vojna kak osobyy tip konflikta. Strategicheskiy etyud* [The Cold War as a Special Type of Conflict. Strategic Study] // *Rossiya v global'noy politike*. 2021. N 4. P. 35–49.

Lavrov S.V. *O prave, pravakh i pravilakh* [On Law, Rights and Rules] // *Rossiya v global'noy politike*. 2021. N 4. P. 8–20.

Lomanov A.V. *Tsirkulyatsiya protiv izolyatsii* [Circulation versus Isolation] // *Rossiya v global'noy politike*. 2021. N 3. P. 8–20.

Modeli regional'noy integratsii: proshloye i nastoyashcheye [Models of Regional Integration: Past and Present] / Ed. by A.S. Manykin. Moscow: Olbi-Print, 2010. 626 p.

Northedge F. *International Political System*. London: Faber, 1976. 336 p.

Osnovy obshchey teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Fundamentals of the General Theory of International Relations] / Ed. by A.S. Manykin. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2009. 589 p.

Pechatnov V.O., Manykin A.S. *Istoriya vneshney politiki SShA* [History of US Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2017. 680 p.

Pervaya mirovaya voyna i sud'by yevropeyskoy tsivilizatsii [World War I and the Fate of European Civilization] / Ed. by L.S. Belousov, A.S. Manykin. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. 816 p.

Putin V.V. *Rossiya i menyayushchiysya mir* [Russia and the Changing World] // *Rossiyskaya gazeta*. 27 February 2012.

Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy [Systemic History of International Relations]. In 4 vols. 1918–2003 / Ed. by A.D. Bogaturov. Vol. 3. Kaluga: Oblizdat, 2003. 718 p.

Skorokhodova O.N. *Epokha velikikh potryaseniy. Energeticheskiy faktor v posledniye desyatiletiya kholodnoy voyny* [An Epoch of Great Shocks. The Energy Factor in the Last Decades of the Cold War]. M.: AST, 2020. 352 p.

Sovremennaya mirovaya politika [Contemporary World Politics] / Ed. by A.D. Bogaturov. Moscow: Aspekt Press, 2010. 592 p.

Vtoraya mirovaya voyna i transformatsiya mezhdunarodnykh otnosheniy. Ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru [World War II and Transformation of International Relations. From Multipolarity to Bipolar World] / Ed. by L.S. Belousov, A.S. Manykin. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2020. 844 p.

Vvedeniye v teoriyu mezhdunarodnykh otnosheniy [Introduction to the Theory of International Relations] / Ed. by A.S. Manykin. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2001. 320 p.

Zhu Z. *Interpreting China's Wolf Warrior Diplomacy* // *The Diplomat*. 2020. N 5. P. 648–658.

Поступила в редакцию
22 сентября 2021 г.